

ПСИХОФИЗИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИНДЕТЕРМИНИЗМА

Д. П. СЕПЕТЫЙ – к. филос. н., доц.,
Запорожский государственный медицинский университет
(г. Запорожье, Украина)

E-mail:sepety@yahoo.com

В статье обсуждается подход к решению психофизической проблемы, предложенный проф. В. Васильевым, основанный на сочетании психофизического интеракционизма и детерминизма. Опровергается тезис о том, что вера в детерминизм является необходимой. Обосновывается возможность последовательного мировоззрения, допускающего существование беспричинных событий. Излагаются основные возражения против детерминизма. Предложена аргументация, показывающая, что интеракционизм в сочетании с индетерминизмом значительно лучше согласовывается с естественным человеческим самопониманием, чем детерминистическая концепция, и позволяет сохранить смыслообразующие для человеческой жизни идеи свободы и ответственности. Разъяснен тезис об основополагающей роли ментального «индивида»; предложена аргументация в его защиту.

Ключевые слова: сознание, физическое, интеракционизм, детерминизм, причинность, случайность, субъект, индивид, свобода, ответственность

MIND-BODY INTERACTION IN THE PERSPECTIVE OF INDETERMINISM

DMITRY SEPEY – Ph.D., Associate Professor,
Zaporizhzhya State Medical University
(Zaporizhzhya, Ukraine)

The article discusses the approach to solution of the mind-body problem based on the combination of the mind-brain interactionism and determinism, as proposed by prof. V. Vasilyev. The basic thesis of this approach – that the belief in determinism and «the identity of past and future», as «a direct expression of the structure of human consciousness», is necessary («inevitable for us») – is contested. An argument is provided to show the possibility of a consistent worldview that admits the existence of causeless events. An alternative view of causation – based on K. Popper's proposition to regard the concept of causation as derived from the concepts of regularities or laws of nature – is proposed as one (although not the only one) of such possibilities. The main objections to determinism are set out. The argument is made that interactionism in the combination with indeterminism much better agrees with natural human self-understanding than the deterministic conception, and allows rescuing the ideas of freedom and responsibility, which are necessary for a meaningful human life. The way to properly combine the deterministic and the indeterministic aspect of mental events is proposed. The idea about the fundamental role of the mental "individual" is elucidated and defended.

Keywords: mind, physical, interactionism, determinism, causality, chance, subject, individual, freedom, responsibility

Психофизическая проблема (the mind-body problem) – одна из главных тем дискуссий в современной академической философии англоязычных стран (преимущественно, в русле аналитической традиции). На постсоветском пространстве читатели лишь недавно стали приобщаться к этим дискуссиям (в советские времена проблема обсуждалась под названием «основного вопроса философии», вопроса об отношении сознания и материи; однако допускалась лишь одна, диалектико-материалистическая точка зрения). Большую работу в этом направлении выполняет Московский центр исследований сознания и лично его руководитель профессор Вадим Валерьевич Васильев, осуществивший перевод одной из важнейших современных фундаментальных работ на эту тему – книги Дэвида Чалмерса «The Conscious Mind» [Чалмерс, 2013], издавший ряд статей, а также научные монографии «Трудная проблема сознания» [Васильев, 2009] и «Сознание и вещи» [Васильев, 2014]. В этой статье я обсуждаю некоторые из ключевых идей В. Васильева, изложенные в программной статье «Мозг и сознание: выходы из лабиринта» [Васильев, 2006] и более детально раскрытые в упомянутых монографиях, и предлагаю альтернативную – индетерминистскую и «индивидуоцентристскую» – концепцию психофизического интеракционизма.

Исходя из принятых классификаций, концепция В. Васильева – это дуализм (признаётся, что сознание нетождественно мозгу, а есть нечто нефизическое) и интеракционизм (признается взаимодействие между сознанием и мозгом). Впрочем, такая классификация малосодержательна, поскольку концепция В. Васильева имеет ряд свойств, которые делают её весьма нетипичной для интеракционизма и очень близкой к эпифеноменализму (теории о том, что сознание порождается мозгом, но не оказывает обратного влияния на мозг). Этими чертами являются, во-первых, детерминизм (теория о том, что все события/состояния полностью предопределены предшествующими событиями/состояниями) и, во-вторых, предположение о том, что воздействие ментальных состояний на мозг является в действительности воздействием нелокальных *физических* причин на мозг, опосредованным сознанием [Васильев, 2009: с. 223–227], [Васильев, 2014: с. 136–140]. Кроме того, нетипичным для интеракционизма является отношение В. Васильева к идее психического индивида.

Важной чертой концепции В. Васильева является то, что она представлена не как гипотеза, а как результат строгих умозаключений, основанных на якобы фундаментальных, необходимых структурах (понятиях, допущениях) человеческого мышления. Если читатель соглашается с предпосылками и ходом умозаключений, то он не может не согласиться с результатом. Однако в предпосылках и ходе умозаключений В. Васильева есть ряд моментов, с которыми читатель вполне мог бы не согласиться. Если читатель не соглашается с каким-то из таких моментов, то все последующие результаты лишаются для него доказательного основания. Для рассмотрения и детального обсуждения всех таких моментов объёма статьи многократно недостаточно, поэтому я остановлюсь только на одном – самом фундаментальном в рассуждениях В. Васильева – положении о необходимости веры в тождество прошлого и будущего, которая эквивалентна вере в детерминизм.

Что может философия?

Предварительно, выскажу некоторые соображения относительно более фундаментального вопроса – вопроса о доказательных возможностях философии вообще. Позиция В. Васильева состоит в том, что философия может и должна быть доказательной дисциплиной, хотя её доказательность относится не к миру (какова реальность на самом деле), а к мышлению (как мы необходимо должны мыслить реальность). Моя точка зрения иная – философия не является доказательной дисциплиной; строгие доказательства существуют лишь в математике и других формальных дисциплинах, и лишь постольку, поскольку принята определённая система аксиом (вспомним о множестве альтернативных систем геометрии – Эвклида, Лобачевского, Римана и др.; положение, истинное и доказуемое в одной системе, может оказаться ложным или недоказуемым в другой); в отличие от физики, химии и др. эмпирических наук (которые тоже ничего не доказывают), философия не имеет таких эффективных средств разрешения спорных вопросов, отбора среди известных альтернативных гипотез как, к примеру, проведение решающего эксперимента. Что же, в таком случае, может философия? С моей точки зрения, всё, что может философ – это сформулировать проблему, предложить какое-то (полное или частичное) решение, рассмотреть известные альтернативные предложения, выдвинуть и обсудить аргументы за и против имеющихся альтернатив, высказать и обосновать собственное предпочтение и предоставить читателю делать собственные выводы. А философия, как диалог (полилог) философов и читателей, даёт возможность человеку сформировать собственную точку зрения, информированную пониманием существующих альтернатив и аргументов.

Не необходимость веры в детерминизм

Обоснование Васильева опирается на «анализ того, как люди умозаключают о фактах», который «в общих чертах <...> был проделан ещё в XVIII в. Дэвидом Юмом». Этот анализ говорит о том, что «человек <...> приписывает окружающим его вещам и живым существам различные свойства», и это приписывание свойств «сводится к ожиданию, что та или иная вещь будет "вести себя" соответствующим образом при наличии определённых условий». В свою очередь, «ожидания формируются на основе переноса на будущее прошлого опыта», а «такой перенос базируется на вере в тождество прошлого и будущего», которую Юм считал «первичным принципом человеческой природы» [Васильев, 2006: с. 71] (аналогично: [Васильев, 2009: с. 205–206]). К сожалению, Васильев не ставит под сомнение правильность анализа и выводов Юма, и не рассматривает альтернативные взгляды – в частности, взгляды Карла Поппера, к которым я обращаюсь ниже. Принимая, по меньшей мере, сомнительные выводы Юма, Васильев продолжает:

«Вера в тождество прошлого и будущего, на мой взгляд, является прямым выражением структуры человеческого сознания. <...> У нас просто нет другого материала для строительства *достоверного* образа будущего, кроме воспоминаний о рядах прошлых событий, что как раз и означает веру в тождество прошлого и будущего. <...> Поскольку вера в тождество прошлого и будущего необходимо интегрирована в саму структуру сознания, она неизбежна для нас» [Васильев, 2006: с. 71–72] (аналогично: [Васильев, 2009: с. 206, 207, 209]).

Все это в высшей мере сомнительно. С моей точки зрения, тезис о тождественности прошлого и будущего – это туманный философский постулат, который не выражает адекватно обычных представлений людей об отношении прошлого и будущего, каковы эти представления на самом деле, и уж тем более не выражает чего-то необходимого, неизбежного, такого, во что все люди необходимо верят – не могут не верить.

Во-первых, никто из нас не верит в тождественность прошлого и будущего в буквальном смысле. Будущее – это не прошлое, а прошлое – это не будущее. Также, никто не верит в тождественность прошлого и будущего в том смысле, что завтра или послезавтра будет во всех отношениях точно таким же, как вчера или позавчера. (Скорее, мы согласимся с тем, что каждый момент времени, взятый во всей полноте, уникален и неповторим.) Говоря о тождественности прошлого и будущего, Васильев (и Юм) имеет в виду нечто иное. Что же именно? Оказывается, не что иное, как детерминизм:

«<...> Вера в тождество прошлого и будущего эквивалентна вере в то, что каждое событие имеет причину. <...>Мы верим, что при повторении всех компонентов прошлого события (включая его конфигурацию) за ним последует то же совокупное событие, что и раньше» [Васильев, 2006: с. 72] (аналогично: [Васильев, 2009: с. 208]).

Заметим для начала, что совершенно неясно, что может означать «повторение всех компонентов прошлого события (включая его конфигурацию)». Такого повторения (по крайней мере, в пределах истории человечества и всей истории Вселенной начиная с момента Большого Взрыва) просто не бывает, поскольку «все компоненты прошлого события (включая его конфигурацию)» включают в себя весь мир.

А теперь рассмотрим вопросы: действительно ли все люди верят (и всегда верили) в то, что «каждое событие имеет причину»? И действительно ли эта вера для нас необходима, неизбежна, так что мы все просто не можем это не верить? Я думаю, что оба эти предположения не соответствуют действительности.

Думаю, что если бы всех людей всех времён и народов опросили о том, считают ли они, что «каждое событие имеет причину» или, иными словами, что не бывает ничего подлинно случайного, и что все человеческие желания и действия однозначно до мельчайших деталей предопределены предшествующими состояниями Вселенной, то мы получили бы от разных людей разные ответы. Так что, если речь идёт о сознательной вере, то многие, а может и большинство людей не верят в детерминизм.

Однако, быть может, все люди верят в детерминизм в смысле неосознанной веры, как чего то, чему они неосознанно следуют в своих размышлениях и действиях? Крайне сомнительно. Думаю, что непредвзятое рассмотрение вопроса о том, как обычные люди в повседневной жизни размышляют о причинности, необходимости и случайности в разных случаях и ситуациях, показывает, что эти размышления часто, быть может даже обычно, но *отнодь не всегда детерминистичны*, что во многих рассуждениях присутствуют индетерминистические допущения как в смысле подлинной случайности (чего то, что действительно случайно, а не просто кажется случайным в свете нашего неполного знания), так и в смысле человеческой свободы воли.

И уж тем более не соответствует действительности утверждение о том, что вера в детерминизм для человека необходима, неизбежна. Многие фило-

софы отвергают детерминизм. Современная микрофизика (квантовая механика) в её «ортодоксальной интерпретации», а также в некоторых неортодоксальных, отвергает детерминизм. Сам Васильев, когда пишет о квантовой механике, признаёт индетерминизм. Однако если возможно верить в индетерминизм на микроуровне, то почему же невозможно верить в то, что и на макроуровне *не всё* совершенно детерминистично?!

Логически нет оснований отрицать возможность беспричинных событий. Правда, многим людям тяжело понять, как это может быть: как возможно, чтобы что-то случилось именно так, а не как-то иначе без какой-либо причины? Для меня самого это когда-то было проблемой. Она решилась, когда я заметил сходство с ситуацией с логически возможными мирами. Вспомним Лейбница: наш мир – один из бесконечного множества логически возможных миров. Если мы спросим, почему наш мир оказался именно таким, а не каким-то иным, каким он мог бы быть (с какими-то совсем другими законами природы и структурой), то на этот вопрос нет никакого ответа. Нет никакого такого «потому что». Просто он таким оказался, *без никакой причины*. Но если это возможно по отношению к Вселенной в целом, то, в принципе, это возможно и по отношению к отдельным её частям, событиям и т. п.

Каково же, в таком случае, альтернативное Юмовскому представление о причинности? Карл Поппер предлагает рассматривать понятие причинности как производное от понятия *закономерностей* или *законов природы* ([Поппер, 2004: с. 56, 233], [Поппер, 1992: с. 302–303]). То, во что мы все действительно необходимо верим (в смысле представлений, которыми мы обычно руководствуемся в нашей повседневной жизни и мышлении), и что необходимо для развития познания (в частности, науки) – это 1) существование неизменных регулярностей, действующих в прошлом, настоящем и будущем, независимо от наших желаний, – законов природы, и 2) наша способность в процессе «проб и ошибок», «предположений и опровержений» создавать и совершенствовать теории, которые в значительной (возрастающей в процессе совершенствования) мере «схватывают» эти регулярности-законы. При этом детерминация законами природы отнюдь не обязательно должна быть совершенно всеохватывающей; нет оснований исключать возможность некоторых недетерминированных событий. (Конечно же, такая эпистемология несовместима с Юмовской ассоциативной психологией; она предполагает творчески-поисковый характер процесса познания, а не то, что Поппер критиковал под названиями «обсервационизм» и «бадейна теория сознания» [Поппер, 2000].)

Интеракционизм и (ин)детерминизм

Таким образом, как видим, детерминизм и вера в него отнюдь не необходимы. Соответственно, гипотеза детерминистического интеракционизма В. Васильева есть не более чем гипотеза. С моей точки зрения, это отнюдь не является её недостатком, поскольку (как убедительно, с моей точки зрения, показывает Поппер) ничего более чем гипотеза ни в философии, ни даже в эмпирической науке не бывает. Однако поскольку кроме этой гипотезы имеется альтернативная, индетерминистская, то следует попытаться сформировать ясное представление об имеющихся альтернативах, оценить «за» и «против» каждой из них, и в этом свете сформировать собственное мнение-предпочтение.

Для начала, рассмотрим более детально, что же означает соединение интеракционизма и детерминизма, предлагаемое В. Васильевым. В этой версии достигается своего рода компромисс между интеракционизмом и положением, которое принимается обычно сторонниками материализма и эпифеноменализма как аксиома (в его поддержку редко приводят аргументы, а когда приводят, то весьма слабые), – о каузальной закрытости физической реальности. Концепция Васильева позволяет, в некотором смысле, совместить, казалось бы, несовместимое. Правда, смысл этот существенно иной, нежели то, что обычно понимается под каузальной закрытостью физической реальности. Суть вот в чем. С одной стороны, признается 1) каузальная действенность сознания. С другой, признается 2) детерминизм как учение о том, что любое событие однозначно предопределено предшествующими событиями (тут и далее речь идет о всеохватывающем детерминизме, исключающем возможность каких бы то ни было недетерминированных событий), а также 3) соответствующее научным представлениям о развитии Вселенной положение о том, что когда-то сознания не существовало, а существовала лишь физическая реальность. Эти три допущения вместе дают следующий результат: хотя сознание и является каузально действенным, влияет на физические события, однако этот его каузальный взнос является *необходимым последствием предшествующей физической каузальности* (обусловившей возникновение сознания и различные его состояния), так что по сути всё в физической реальности (а также и в сознании) в конечном итоге однозначно детерминировано некоторыми предшествующими физическими причинами (событиями, состояниями). (К тому же, Васильев ещё более нивелирует каузальную роль сознания теорией о том, что воздействие ментальных состояний являются лишь «дубликатами» нелокальных физических причин, посредниками между ними и мозгом, так что именно нелокальные физические причины (наряду с локальными) являются *подлинными* причинами поведения, а ментальные состояния лишь *каузально релевантны*, но *не каузально действительны* [Васильев, 2014: с. 178–179].) Демон Лапласа, узнав о всех физических фактах о мире в некоторый момент времени до появления первого сознания (например, через микросекунду после Большого Взрыва), и зная все физические и психофизические законы природы, мог бы с точностью предсказать все – как физические так и психические – события, состояния физической реальности и всех существующих сознаний в любой последующий момент времени.

Главным возражением против детерминистской теории является то, что она лишает смысла важнейшие – необходимые для осмысленной человеческой жизнедеятельности – представления о *свободе* как реальной возможности выбора и об *ответственности* за этот выбор. Как я уже отмечал, с точки зрения детерминизма, всё, что любой человек когда-либо делал, делает или будет делать, однозначно и необходимо предопределено физическими состояниями Вселенной в любой произвольный момент времени до появления первого сознания – например, совокупностью физических состояний Вселенной (всей полнотой физических фактов о Вселенной) через секунду после Большого Взрыва. А значит, человек в действительности не является автором своих действий и не может считаться ответственным за них. Человеку лишь кажется, что он совершает выбор среди реально существующих возможностей; на самом деле каждый его выбор предопределён во всех мельчайших деталях задолго до его рождения. Мы все – марионетки, которым лишь кажется, что они что-то

решают. В конечном итоге, «автором» всего происходящего, включая все человеческие действия, является Большой Взрыв, однако к нему вряд ли применимы категории свободы и ответственности.

В такой перспективе действительность сознания аналогична действительности молотка, забивающего гвозди. Понятно, что на самом деле гвозди забивает человек, используя молоток, который он или другой человек раньше создал, как орудие. При допущении детерминизма, сознание – такое же орудие, созданное физическими процессами в мозге (или, опосредованно, Большим Взрывом) и полностью управляемое ими, хотя это орудие и имеет субъективно-феноменальное измерение, в котором ему кажется, что оно действует по собственному выбору, по собственной воле. (Возможно, молотку тоже кажется, что он забивает гвозди, потому что ему так хочется.)

С другой стороны, кажется, что индетерминизм типа квантово-механического (в той или иной ситуации существует некоторый спектр реальных возможностей, с определённым распределением предрасположенностей-вероятностей реализации; то, какая из них в действительности будет реализована, является делом подлинной случайности) не очень-то помогает. Ведь если человек что-то делает просто случайно, то это имеет столь же мало отношения к свободе и ответственности, как и действия человека-марионетки, предопределённые Большим Взрывом. Однако может показаться, что третьей альтернативы логически просто не существует – любое действие человека, или любая деталь действия либо детерминированы, либо нет.

Мне представляется, что третья возможность всё-таки существует, хотя она и будет в каком-то смысле сочетанием первых двух. Эта альтернатива состоит в том, что некоторое сложное динамическое взаимопереплетение детерминистических и индетерминистических событий формирует сложную качественную определённость (темперамент, характер, идеи, знания, ценности, убеждения) человеческой личности, выборы которой становятся причиной её действий, а также динамики её собственного дальнейшего развития.

Начнём с момента рождения. В соответствии с одной из ненатуралистических версий дуализма (теистически-креационистский дуализм), Бог создаёт душу человека и вселяет её в тело. В соответствии с другой (теория реинкарнаций) – душа, ранее прожившая множество других жизней в других телах, воплощается в новое тело (при этом теряя явную память о своих прошлых жизнях). В обеих версиях душа, т. е. человеческое психическое **Я**, начиная с рождения может обладать множеством индивидуальных свойств (предрасположенностей), в значительной мере независимых от её тела, и вообще от любых физических фактов. То же самое возможно и в натуралистической (эмерджентистской) версии дуализма.

Эта исходная качественная определённость индивидуальной человеческой личности в дальнейшем развивается в результате сложного взаимодействия собственных предрасположенностей и внешних факторов. Этот процесс регулируется-обуславливается законами природы – физическими, психофизическими (то, как состояния и процессы в мозге взаимодействуют с психикой-сознанием-душой-**Я**) и психическими (регулярности, свойственные самой психике, во взаимосвязи одних психических состояний или событий с другими), – однако это регулирование-обуславливание вполне может не быть строго детерминистическим, а может включать элементы случайности того типа, которая, по представлениям современной физики, имеет место на квантово-

механическом микроуровне, а также, возможно, и какие-то другие формы индетерминизма.

В частности, связь между такими нашими психическими состояниями, как взгляды, убеждения, чувства, настроения, желания, и принимаемыми нами решениями и нашими действиями может содержать значительный элемент индетерминизма. Наши различные психические состояния могут предрасполагать нас в различной степени к разным решениям и действиям, что делает высокой вероятность одних решений и действий и низкой – вероятность других; однако наши решения и действия не предопределены однозначно предыдущими состояниями. Разные возможности, между которыми мы выбираем, действительно существуют. Нам не просто кажется, что мы можем поступить так, а можем иначе, тогда как на самом деле мы не можем поступить иначе, чем мы поступим. Мы действительно можем поступить так, а можем иначе. Предыдущие состояния (физические и психические) не детерминируют выбор однозначно, а определяют вероятность того или иного выбора. В свою очередь, те выборы, которые мы осуществляем, сами становятся действующими факторами, направляющими изменение-развитие наших личностей.

Предположение о неполноте детерминации психических состояний – не только как «внешней» детерминации физическими процессами в мозге, но и как «внутренней» детерминации одних психических состояний другими – соответствует «естественному» пониманию человеком того, как он принимает решения, и пониманию им идеи свободы. Противоположное, детерминистическое представление – о том, что человек на самом деле не может поступить либо так, либо иначе, что каждый его будущий поступок предопределён заранее (с самого момента возникновения Вселенной – Большого Взрыва) и не может быть никаким иным, нежели тем, каким он в действительности окажется, – несовместимо с тем представлением о свободе выбора в спектре *реальных возможностей*, на котором необходимо основывается любое принятие решений, вся человеческая деятельность.

Важно также заметить, что индетерминизм динамики человеческого сознания-Я может иметь качественно иной характер, нежели квантово-механический индетерминизм или индетерминизм в выборе между имеющимися известными возможностями. Эта качественно иная и высшая форма индетерминизма, придающая ему человеческий (а не квантово-механический) характер, связана с *творчеством, открытием человеком новых идей и возможностей*. В этой связи вспомним об идеях Карла Поппера.

Поппер был сторонником как физического, так и метафизического индетерминизма ([Поппер, 2002; Поппер, 1998]).

Физический индетерминизм – взгляд (поддерживаемый современной квантовой механикой), согласно которому *не все* физические события *предопределены полностью и однозначно* предшествующими физическими событиями. Некоторые физические события, которые произошли, могли и не произойти. В будущем некоторые события могут произойти, а могут и не произойти. Есть спектр возможностей, которые могут осуществиться. Хотя в действительности осуществится лишь одна из них, пока она не осуществилась, различные возможности существуют реально, объективно (а не лишь субъективно, в нашем представлении, как отражение неполноты нашего знания). Существование различных возможностей – не наша иллюзия, порождённая неполнотой нашего знания (о предшествующих состояниях мира и законах природы); она

имеет не эпистемологический, а онтологический характер; она есть часть того, каков мир на самом деле.

Однако Поппер обращал внимание на то, что физический индетерминизм сам по себе не является решением проблем человеческой свободы и творчества. Он является лишь «негативным» условием, условием возможности для другого типа причинности, а также, наверное, и для другого типа индетерминизма. Для Поппера *физический индетерминизм* важен именно потому, что он оставляет место для нефизической причинности, нефизической детерминации, для взаимодействия между тремя «мирами» – физическим миром, человеческим сознанием и миром «объективированных» идей – научных теорий, произведений искусства, песен, историй, сказок, мифов, поэзии, романов и т. д. Сюда же следует отнести и технические изобретения, и социальные институты, обычаи, традиции. Этот «мир-3» особенно важен, поскольку лишь в отношении к нему человеческая жизнь обретает свой подлинно человеческий характер, лишь во взаимодействии человеческой личности с ним возможны свобода и творчество.

Стоит вспомнить также о размышлениях известного американского философа и психолога Уильяма Джеймса [*James, 2006*]. Джеймс отстаивал мысль, что истинность или ошибочность детерминизма невозможно доказать; в этом смысле выбор между детерминизмом и индетерминизмом является предметом веры. Тем не менее, речь идёт не о безосновательной, «слепой», иррациональной вере. Мы имеем рациональные основания для того, чтобы отдать предпочтение одной из этих альтернатив, исходя из моральных соображений: какая из них создаёт приемлемую картину реальности, позволяющую осмыслить человеческую жизнь в моральном измерении? Эти размышления Джеймса очевидно перекликаются с размышлениями Канта, который утверждал, что мы не можем научными средствами доказать существование или несуществование свободы, но моральное сознание (практический разум) требует её существования и, таким образом, является основанием для веры в неё. Джеймс доказывал неприемлемость детерминизма, поскольку он отрицает необходимый для человеческой жизни способ размышлений о наших поступках, а именно: что в той или иной ситуации мы *действительно* можем (могли) поступить или так, или иначе. С точки зрения детерминизма нам лишь кажется, что в той или иной ситуации мы можем (или могли) поступить как-то иначе, чем мы действительно поступим (поступили); на самом же деле все наши действия необходимо детерминированы предшествующим ходом событий (совокупностью условий, которые детерминируют эти действия); мы просто не знаем как именно и ошибочно принимаем некоторую часть этого процесса детерминации за свободный выбор.

Объясняя причины доминирования детерминизма среди ученых и ориентированных на науку философов, Джеймс отмечал, что детерминизм выражает «настроение интеллектуального абсолютизма, требование, чтобы мир был монолитной целостью, подвластной нашему контролю, – но мир, возможно, совсем не должен соответствовать этому настроению, этому требованию». В противовес, индетерминизм «даёт плюралистическую, беспокойно-подвижную Вселенную, в которой ни одна отдельная точка зрения не может охватить всю сцену; и для ума, стремящегося к единству любой ценой, он, вне сомнения, останется навсегда неприемлемым» [*James, 2006: с. 360, 364*].

Однако цена за детерминистическую иллюзию целостности и контроля слишком велика. Детерминизм означает, что всё, что происходит, – в том числе все решения и действия каждого человека, – является необходимым-неизбежным, предопределённым предшествующим ходом событий. В частности, вся человеческая история и все поступки каждого человека были однозначно предопределены состоянием мира ещё до появления первого человека. Демон Лапласа, имея полную информацию о состоянии Вселенной через секунду после Большого Взрыва, мог бы вычислить все события во Вселенной после этого – в частности, все действия каждого человека до нашего времени и после. Если кто-то где-то жестоко убил человека, то он этого не мог не сделать; то, что он это сделает, было давно предопределено. (В более широком историческом масштабе: Гитлер, Сталин и прочие организаторы и исполнители массовых убийств не могли поступить иначе.) Из детерминистического правила нет никаких исключений. Едва ли такую картину мира можно признать приемлемой.

Резюме Джеймса: «<...> Хотя я откровенно признаю, что плюрализм и беспорядок определённым образом отталкивающи и иррациональны, я считаю, что любая альтернатива им иррациональна более глубоко. <...> Какие бы трудности ни осаждали философию объективно хорошего и плохого, и подразумеваемый ей индетерминизм, детерминизм <...> содержит ещё большие трудности. <...> Честно признаться, мир весьма загадочен, какие бы теории о нем мы ни выбрали. Индетерминизм, который я защищаю, теория обычного здравого смысла о свободе воли, которая опирается на суждение сожаления, изображает мир уязвимым, так что действия некоторых его частей, если они плохие, могут нанести ему ущерб. И он изображает такие плохие действия как дело возможности и случая, как что-то, что не является неизбежным, но от чего также невозможно надежно обезопаситься» [James, 2006: с. 364].

В защиту «индивидуализма»

Ещё одной отличительной чертой концепции Васильева (по сравнению с большинством концепций интеракционизма, предлагаемых другими авторами), является негативное отношение к «указанию на основополагающую роль ментального "индивида"», который мыслится согласно таким моделям как декартово «единство мыслящего Я, кантовское "первоначальное единство апперцепции"» [Васильев, 2006: с. 77]. Васильев возражает против этого на следующем основании: «<...> В наши дни представляется очевидным, что это "единое", "самотождественное" и "свободное" Я является поверхностным, а не глубинным феноменом, ментальной надстройкой, но никак не онтологическим базисом ментальных состояний» [Васильев, 2006: с. 77].

Однако, если кому-то «в наши дни» вышеуказанное и «представляется очевидным», то это ни о чём не говорит, поскольку для многих других оно совершенно неочевидно. (С другой стороны, какой-нибудь материалист мог бы точно так же заявить, что в наши дни представляется очевидным, что ментальные состояния являются поверхностным, а не глубинным феноменом, ментальной надстройкой, но никак не чем-то онтологически фундаментальным.) Мне лично, как и многим другим сторонникам интеракционизма (и в наши, и не в наши дни), «представляется очевидным», что *правильно понята* идея об основополагающей роли ментального «индивида» намного более правдопо-

добна, чем её отрицание. Правильное истолкование этой идеи, с моей точки зрения, сводится к трем моментам:

1. Исходящая от Юма идея психических (ментальных) состояний без психического (ментального) субъекта – ощущения, которых никто не ощущает; чувства, которых никто не переживает; мысли, которых никто не мыслит; желания, которых никто не желает – совершенно лишена какого-либо смысла. Если мы признаём существование психических состояний, то мы должны признать и существование психического субъекта, чьими психическими состояниями они есть. Логически понятие психического субъекта первично по отношению к понятию психических состояний – а значит и онтологически психический субъект первичен по отношению к (его/её) психическим состояниям (конечно, если таковые существуют). Иными словами, *психический субъект является онтологическим базисом ментальных состояний*. Ощущения, чувства, мысли, желания не являются независимыми сущностями, которые могут существовать сами по себе, не будучи ощущениями, чувствами, мыслями, желаниями *того или иного психического субъекта*.

2. *Психический субъект един, неделим, самотождественен* в том простом и очевидном смысле, что все мои (Ваши) ощущения, чувства, мысли, желания есть *только* мои (Ваши) ощущения, чувства, мысли, желания, т. е. принадлежат *безусловно* одному и тому же психическому субъекту – мне (Вам), моему (Вашему) психическому **Я**.

Психический субъект не является условной единицей, выделенной нами из целостной реальности по тем или иным в принципе произвольным соображениям, как это имеет место в случае с физическими объектами, где в качестве объектов может рассматриваться, в принципе, любая осмысленно выделенная совокупность атомов, молекул, макрофизических объектов, в т. ч. с постоянно изменяемым составом объектов-компонентов (как в случае живых организмов). Отдельность-индивидуальность психических субъектов есть нечто *безусловно данное*. Мои ощущения, чувства, мыслительные процессы и желания *безусловно* мои, а не условно то ли мои, то ли принадлежащие множеству «частичных» субъектов, населяющих мой мозг (субъект S_1 ощущает А, субъект S_2 чувствует В, субъект S_3 мыслит С, субъект S_4 желает D, а субъект S_N переживает иллюзию, что это он ощущает А, чувствует В, мыслит С и желает D), то ли мои с Васей Пупкиным, то ли переживаемые и мыслимые субъектом по имени Украина.

3. Психический субъект не тождественен мозгу (или какой-то его части) как физической системе (или какой бы то ни было другой физической системе).

В книге «Сознание и вещи» В. Васильев, со ссылкой на Дерека Парфита, делает заявление, которое может быть истолковано как отрицание пункта 2: «<...> Тождество личности, как мы теперь знаем, весьма условно (для осмысления вопроса о тождестве личности можно прибегнуть к простой аналогии: будем ли мы считать тождественным некий предмет, скажем, пластилиновый кубик, после того, как мы превратили его в бесформную массу? С одной стороны, нет, с другой – да в той мере, в какой он сделан из того же пластилина; так же и с личностью: при сильных изменениях характера мы, с одной стороны, можем сказать, что стали другими, с другой – что остались теми же в той мере, в какой наше нынешнее существование продолжает прежний поток сознания; но тождество нашей личности в этом случае не более содержательно, чем тождество пластилиновой массы в том примере)» [Васильев, 2014: с. 166].

Однако эта аналогия либо ошибочна, либо не относится к делу. Конечно, если мы употребляем слово «личность» в смысле определённой совокупности черт характера, воспоминаний и т. п., то тождество личности столь же условно, как и тождество куска пластилина. Однако нас интересует не тождество совокупности черт характера, воспоминаний и т. п., а *тождество психического субъекта*. Как объяснено в пункте 2, «индивидуальность» и тождество субъекта безусловны, в отличие от условной «индивидуальности» и тождества куска пластилина.

Заметим, что даже если кто-то говорит о себе: «Я стал совсем другим человеком», имея в виду изменение характера, ценностей и т. п., т. е. «личности», такое высказывание необходимо предполагает тождество субъекта-*Я*, по смыслу явно отличное от тождества «личности» (и прежняя, и нынешняя «личность» принадлежат одному и тому же субъекту-*Я*), как и от телесного тождества.

Действительно, кусок пластилина условно может рассматриваться как тот же самый «в той мере, в какой он сделан из того же пластилина». (Хотя это и не обязательно – другие физические объекты могут рассматриваться как те же самые даже при полной смене своего состава. Например, тело человека или животного может условно рассматриваться как то же самое на протяжении всей жизни, даже если в нём не осталось ни одного атома, бывшего в нём при рождении.) Однако в отличие от куска пластилина, психический субъект не сделан из субъективных психических состояний/процессов (такая «сделанность» означала бы абсурдную идею, что субъективные психические состояния могут существовать сами по себе, без субъекта – боль, которой никто не чувствует, субъективная мысль, которой никто не мыслит и т. д.), он логически и онтологически первичен по отношению к ним.

То же самое относится к «потоку сознания». Вопреки Юму, понятие «потока сознания» без психического субъекта лишено смысла. Оно предполагает, что существуют некие частицы, элементы сознания, множества которых образуют (условные) потоки, как это имеет место в случае любых физических потоков. При этом понятно, что образующие поток частицы могут существовать и сами по себе; для своего существования они не нуждаются в существовании потоков; они онтологически первичны по отношению к (условным) потокам, которые они образуют. Применение такого подхода к сознанию означает ту самую абсурдную идею субъективных психических состояний, которых никто субъективно не переживает.

Литература

- Васильев, 2006 – *Васильев В.* Мозг и сознание: выходы из лабиринта // Вопросы философии. – М., 2006. – № 1. – С. 67–79.
- Васильев, 2009 – *Васильев В.* Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 272 с.
- Васильев, 2014 – *Васильев В.* Сознание и вещи. – М.: Либроком, 2014. – 240 с.
- Поппер, 1992 – *Поппер К.* Открытое общество и его враги. – Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – 528 с.
- Поппер, 1998 – *Поппер К.* Квантовая механика и раскол в физике. – М.: Логос, 1998. – 192 с.

- Поппер, 2000 – Поппер К.* Эволюционная эпистемология // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 464 с. – С. 57–74.
- Поппер, 2002 – Поппер К.* Об облаках и часах // *Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с. – С. 200–247.
- Поппер, 2004 – Поппер К.* Логика научного исследования. – М.: Республика, 2004. – 447 с.
- Чалмерс, 2013 – Чалмерс Д.* Сознательный ум. – М.: Эдиториал УРСС, 2013. – 512 с.
- James, 2006 – James W.* The Dilemma of Determinism // Philosophy. The Quest for Truth. Ed. by Pojman L. P. – New York, Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 355–365.

References

- Vasil'ev V.* Mozg i soznanie: vykhody iz labirinta [Brain and consciousness: exits from a labyrinth] // *Voprosy filosofii*. – Moscow, 2006. – № 1. – Pp. 67–79.
- Vasilyev V.* Trudnaya problema soznaniya [The hard problem of consciousness]. – Moscow, 2009.
- Vasilyev V.* Soznaniye i veschi [Consciousness and Things]. – Moscow, 2014.
- Popper K.* Otkritoye obschestvo i yego vragi [The Open Society and Its Enemies]. – V. 2. – Moscow, 1992.
- Popper K.* Kvantovaya mekhanika i raskol v fizike [Quantum Theory and the Schism in Physics]. – Moscow, 1998.
- Popper K.* Evolucionnaya epistemologiya [Evolutionary Epistemology] // Evolucionnaya epistemologiya i logika socialnyh nauk: Karl Popper i yego kritiki [Evolutionary epistemology and logic of social sciences: Karl Popper and his critics]. – Moscow, 2000. – Pp. 57–74.
- Popper K.* Ob oblakah i chasah [About clouds and hours] // *Popper K.* Obyektivnoye znaniye. Evolutsionniy podhod [Objective Knowledge: An Evolutionary Approach]. – Moscow, 2002. – Pp. 200–247.
- Popper K.* Logica nauchnogo issledovaniya [The Logic of Scientific Discovery]. – Moscow, 2004.
- Chalmers D.* Soznajuschij um [The Conscious Mind]. – Moscow, 2013.
- James W.* The Dilemma of Determinism // Philosophy. The Quest for Truth. Ed. by Pojman L. P. – New York, Oxford: Oxford University Press, 2006. – Pp. 355–365.
